

него нѣтъ опоры въ формальномъ союзѣ, а слѣдовательно нѣтъ даже и тѣни оправданія для подобныхъ поступковъ, онъ рисковать серьезной катастрофой отнюдь не намѣренъ. «Я ищу оборонительнаго союза съ Россіей,—писалъ онъ своему послу (для его личнаго свѣдѣнія и съ строжайшимъ запрещеніемъ подавать о томъ видъ кому бы то ни было),—для безопасности моихъ владѣній; но сталъ бы отвѣчать передъ своимъ государствомъ и передъ потомствомъ, еслибы, изъ расположенія къ ней и совсѣмъ даромъ, легкомысленно началъ войну, которая будетъ мнѣ стоить тысячъ людей, громаднхъ издержекъ, и разорить въ конецъ мою страну, еще не оправившуюся отъ бѣдствій войны, которую пришлось ей испытать.... Смѣю сказать, что вмѣсто того, чтобы вступать на таковой опасный путь, я предпочелъ бы скорѣе видѣть на престолѣ курфирста саксонскаго... Видимо крайне раздраженный противъ ни съ чѣмъ несообразныхъ предположеній Панина, Фридрихъ поручаетъ Сольмсу—очень осторожно и въ возможно любезныхъ выраженіяхъ—указать ему на примѣръ императора Карла VI, который, поусердствовавъ не въ мѣру въ желаніи возвести своего кандидата на польскій престолъ, впалъ вслѣдствіе этого въ войну съ Франціей, заставившую его потерять Лотарингію и другія важныя земли. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ онъ съ одной стороны все-таки хотѣлъ союза съ Россіей и, поэтому, желалъ угодить императрицѣ русской, съ другой—очень дорожилъ Панинымъ, который былъ ему безгранично преданъ и въ которомъ онъ не безъ основанія видѣлъ лучшее орудіе свое при русскомъ дворѣ, а главное, такъ какъ и самому ему исходъ польскихъ дѣлъ былъ очень близокъ къ сердцу, то—по всѣмъ этимъ причинамъ—Фридрихъ свой категорическій отказъ сопровождалъ цѣлымъ рядомъ обстоятельно мотивированныхъ и очень разумныхъ совѣтовъ. Прежде всего Россія должна избѣгать насилій и дѣйствовать главнымъ образомъ подкупомъ, не жалѣя денегъ—500 тысячъ, истраченныхъ разумно теперь, сэберегутъ ей милліоны, которыхъ стоила бы война. Подкупить надо: во-первыхъ гетмана Браницкаго—этого безусловно и прежде всѣхъ, потому что онъ одинъ настолько вліятеленъ въ Польшѣ, что можетъ вызвать революцію; прочіе неопасны. Его фантазія самому вступить на престолъ—пустяки: достовѣрно извѣстно, что съ нимъ можно столкнуться, лишь бы не предъявляли ему невозможныхъ требованій и не оскорбляли его самолюбія. Во-вторыхъ—турецкихъ министровъ, которые на этотъ счетъ очень падки и, получивъ русскія деньги, сдѣлаются мало доступны австро-французскимъ